

Современность как откровенно социологический текст

Для его чтения надо только поменять «малое» сознание на «большое»

Быть в ладу с Современностью — это в чистом виде «историческая благодать» и полноценная удача. А кто задаёт параметры современности? Страна или группа стран, которые ближе всего подошли к реализации, а, может быть, так или иначе, реализовали всеобщие и универсальные принципы в экономической, государственной, гражданской, духовной жизни. Отчасти такие успехи сопутствовали Античности, Европе в эпоху Возрождения и Просвещения. В большей степени — современному Западу после 1945 года. Сегодня в собственном мировом масштабе Современность практически безальтернативно идентифицируется с глобальным, космополитическим сообществом. Объем этого сообщества стран постепенно растет, но большая часть «современных» государств остается за пределами круга стран, иллюстрирующих понятие Современность. Постмодернистские авторы, признавая «равнозначность всех социальных состояний», под «современность» готовы подвести все присутствующие хронологически одновременно страны. Этот «геополитический релятивизм» абсолютно некорректен, поскольку «освящает», легитимизирует и те «случаи», которые никак не подпадают под воплощение лучших и надежных (они же всеобщие и универсальные) принципов человеческого общежития. В частности речь идёт о международном терроризме в среде исламских фундаменталистов, об эксцессах шариатского правления в ряде мусульманских стран, нарушении прав человека, защищаемых юрисдикцией законов, принятых на уровне ООН и других мировых организаций.

В XX веке проект Современного общества на путях реализации социалистической идеи пыталась осуществить и Советская Россия. Проект провалился: он утопически игнорировал значение всё тех же универсальных и всеобщих принципов устройства ЖИЗНИ общества. Возвращение к Современности

сегодня состоит для России в ОСОЗНАНИИ всем обществом актуальности и значимости указанных принципов. В эпоху горбачевской перестройки их заложили в стратегию постсоциалистического развития. В ельцинскую эпоху ими злоупотребляли. Результат — экономическое неустройство и массовое разочарование. В последующем ситуация исправлялась на путях авторитарного и ручного управления страной. Но младо-либеральное злоупотребление принципами, на которых строится Современность, еще не основание считать эти принципы негодными. Римская формула гласит: *Abusum non tollit usum*. — Факт злоупотребления вещью не является доводом против её нормального использования. Посильная задача состоит в том, чтобы вырывать на Современность, постепенно уменьшая объём властного протектората над гражданским обществом, и в то же время не провалиться в который раз всё в то же злоупотребление свободой. Посильная задача — с помощью «большого» общероссийского сознания подняться над «малым» примордиальным сознанием, и тем самым, вырваться из порочного круга, который О. Бальзак в «Шагреневой коже» определял так: «Свобода рождает анархию, анархия приводит к деспотизму, а деспотизм возвращает к свободе. Миллионы существ погибли, так и не добившись торжества ни одной из этих систем».

Ключевые слова: Современность, демократия, «реальное», «действительное», «разумное», всеобщие и универсальные принципы общества», примордиальность, «свободное духовное производство», «несвободное» сознание», «большое» и «малое» сознание, постмодернизм.

Александр Щелкин

доктор философских наук

Социологический институт - филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Когда-то Б. Рассел сказал, что историю страны должен писать иностранец. Прирожденный скептик Туманного Альбиона как-то не доверял человеческой субъективности, которая в понимании собственного общества, скорее всего, якобы, не сдержится и собьётся с объективного на «патриотический» лад. Совет сам по себе не плох и, может быть, даже вполне хорош, если бы не одно принципиальное обстоятельство. Жить-то в стране приходиться не только и не столько иностранцам, но и собственно резидентам. А жить — это не только проживать и пользоваться нажитыми условиями и возможностями. Жить на родине — это, по крайней мере, адекватно (ну, хотя бы как-то адекватно) воспринимать и понимать смысл истории и современности на твоей родине. И если ты отвечаешь этому условию, то это ещё значит (даже в первую очередь) быть ещё и ответственным за возводимое, ремонтируемое и перестраиваемое — за технологические структуры, социальные отношения и человеческие ценности-ориентиры, как мы их (ценности) рефлексируем на языке культуры и отстаиваем в жизни. Одним словом, в нашем случае речь идет о российской, роковой и разделяемой поровну ответственности за то, что на вечной латыни называется *conditio humana* «условия человеческого существования». (Попутно замечу, что прискорбный факт состоит в том, что современный читатель — российский не исключение — скользит ненагруженным глазом по фразе «условия человеческого существования», и ему никогда не придёт в голо-

ву сделать смысловое ударение или выделить «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ» в смысле «подлинно-человеческого», «гуманистического» и проч.) И, замыкая этот силлогизм вступительного рассуждения, повторим ту очевидную, прописную, прошу прощения, истину, банальность которая лишь усугубляет вечный укор/приговор нашему вечному неустройству («Россия — гений повторяющихся ошибок. В российской истории вечно гулял гений повторений, повторений дурных до тошноты». М. Мамардашвили): участь разбираться в собственной истории выпадает на нас самих, на «Мы», если вспомнить одноимённый роман Е. Замятина. Иностранец, скажем Р. Пайпс, может и разберётся и разобрался в генетике российской истории и структуре её современности, но он не гражданин РФ. Именно САМОСОЗНАНИЕ российских граждан в полном и глубоком смысле этой гегелевской категории есть и должно оставаться ответственным действующим лицом, принимающим вызовы, которые сегодня стоят перед Россией, — действующим лицом, принимающим ответы на эти вызовы.

Немаскирующаяся Современность

Чего, казалось бы, проще отвечать на эти вызовы — в наш век, когда самая современность, самая реальность выстроилась, выступает, абсолютно не скрывая, не маскируя свой значимый, зрелый, рискну сказать, «благоприятный» облик в виде своих не худших образцов и моделей? Чего проще понять со-

временность, быть в дружбе с реальностью, когда последняя сама убедительно, обнажённо и без всяких миражей говорит и показывает истину о самой себе? Бери и пользуйся «готовой картинкой», «готовой реальностью», «готовым проектом». Ещё раз, о чём идёт речь? Если выразиться о том же самом, но на неповседневном языке философии, на языке Гегеля и молодого Маркса, то получается вполне понятная и удобовоспринимаемая конструкция: Современность и легко читаемое Будущее — это суть «готовая гносеология», «готовая онтология», добавлю, «готовая социология». Не надо ничего придумывать, не надо изобретать велосипед. И в самом деле, бери и пользуйся. И вроде бы так оно и есть: берут и пользуются. Скажу обобщённо, все хотят быть «современными» и даже «футуристичными». Почему же, однако, в «отдельных случаях» контраст между возможностью быть Современным государством и сопротивлением быть таковым, контраст между свободным устремлением быть современным хоть «вдогонку» и феноменом «принуждения к современности» так красноречиво и драматично присутствует в сегодняшней ситуации? Большого секрета, здесь, конечно, нет. Но прежде, чем дать простор «социологическому воображению» при исследовании ответа на вопрос о природе этой «чудесии», этого губительного парадокса, одним словом, того, что один из наблюдательнейших российских социологов Валерий Крамник, называл «взаимной лояльностью» высшей власти и населения, наблюдаемом в родном отечестве, их взаимной преданности, — небесполезно было бы снова взглянуть на тот репертуар возможностей, перспектив, инструментов или, как сейчас говорят «продуктов», которыми снабжает нас многожды склоняемая и упоминаемая тут Современность. Так вот, если по порядку. Начнем с того, какую международную среду обитания предлагает нам всё та же эпоха Модерна-Современности.

Международная обстановка: демократии не воюют

Если сравнить какой она была накануне I Мировой войны, когда произошло самое необязательное событие XX столетия — упоительная, чуть ли не рыцарская на почве зашкаливающего шовинизма и обывательского национализма устремленность (охота пуще неволи) в мясорубку взаимоистребления государств Старого и Нового Света в августе 1914 года; если сравнить международную обстановку в Европе в конце 1930-х, когда все, кроме Германии, не хотели войны и оттягивали очевидную катастрофу подчас даже самыми позорными действиями (Деладье, Чемберлен, Сталин), а в итоге с неизбежностью стали участниками II Мировой войны, — так вот, если сравнить «век нынешний и век минувший», то вывод очевиден: после двух мировых войн ценой почти в 40 миллионов человеческих жертвоприношений, мы ощутимо вступили в незнающую прецедентов международную Современность. Мы уже давно живем в эпоху, в которой не произошло III Мировой войны. И не произойдет.

Умничающие головы вам, однако, скажут: III Мировая уже давно идет. На то они и умничающие головы, чтобы так говорить. Третьей Мировой войны не будет, потому что «развитые демократии не воюют между собой». Об этом подозревал еще и И. Кант в трактате «К вечному миру» (1795). В современной же редакции вышеприведенный тезис, получивший название «теорема демократического мира», принадлежит известному социологу Р. Раммелу (США, 1932 — 2014). На авторитет которого обычно и ссылаются. Последуем в наших интересах и мы за статистикой, тщательно собранной этим учёным. Исследовано 353 пары враждующих сторон в период с 1816 по 1991 год. Демократическое государство воевало с недемократическим в 155 случаях. Диктаторское государство воевало с диктаторским государством в 198 случаях. Нет ни единого примера, когда демократическое государство вступало в войну с демократическим государством. И существенное дополнение к этим фактам: «Некоторые доктринеры играют словами, утверждая,

что существуют исключения. Тем не менее, изучите детали и вы убедитесь, что конфликты, поставленные под вопрос, были либо каким-нибудь из проявлений гражданской войны, либо один из участников не был действительно демократическим государством, либо число погибших людей было слишком мало, чтобы вообще назвать конфликт войной» (<http://antisocialist.ru/papers/aljmark.per.neotvratimostj.demokratii.htm>).

А то, что мир стал (становится) ансамблем стран с демократическими режимами — в этом легко убедиться, если посмотреть динамику и современный состав государств-членов ООН, какая бы «демократическая рецессия» не тормозила время от времени тренд «неотвратимости демократии». По результатам исследования Freedom House получается следующая картинка.

1980: свободные страны — 51 (31%), частично свободные — 51 (31%), несвоб. страны — 60 (37%) 1990: свободные страны — 65 (40%), частично свободные — 30 (50%), несвоб. страны — 30 (50%) 2000: свободные страны — 86 (45%), частично свободные — 58 (30%), несвоб. страны — 48 (25%) 2010: свободные страны — 87 (45%), частично свободные — 60 (31%), несвоб. страны — 47 (24%).

Сегодня почти половина стран мира, на которые приходится половина населения мира, признаны «свободными». Больше половины стран в мире имеют демократическую выборную систему. Никогда прежде так много людей не жило в условиях демократии. Проще говоря, мировой контекст, в котором хочет и может существовать мирно каждая страна, сегодня беспрецедентно благоприятный. Третьей Мировой не будет, ровно как и локальные войны (хотя число погибших в них идёт на миллионы) в последнее время всё меньше дают повод умничающим головам поучать необразованную аудиторию прописными сентенциями, изложенными «доисторической» лексикой: «Нет мира под оливами», «Хочешь мира — готовься к войне» и проч. По данным, которые можно почерпнуть в открытой печати, получается: с 1985 по 2003 год количество демократических государств в мире удвоилось. С 1991 по 2003 год количество вооружённых конфликтов в мире уменьшилось на 60%. Количество международных кризисов также снизилось наполовину. (http://mignews.com/news/politic/world/121103_41408_05186.htm).

Самым убедительным доказательством теоремы «демократического мира» является, конечно, Европа после 1945 года. Та самая Европа, которая в XX столетии стала очагом двух мировых военных катастроф. Сегодня даже в самом страшном сне не представить Европейский Союз источником конфликта в планетарном масштабе: демократии не воюют. И под угрозой международных санкций не позволяют это делать остальным. Уникальная ситуация! Мир коллективной безопасности, мир международного права с его достаточно эффективным комплексом мер международных санкций и средств «принуждения к миру», — одним словом, тот современный мир, который даёт возможность не втягиваться в амбициозную и параноидальную гонку вооружения — особенно за счет нужд и без того нуждающегося населения и особенно если «враг у ворот» выдуман властью с целью мобилизации национального САМОСОЗНАНИЯ в направлении «массового шовинизма» и, соответственно, обоснования несменяемости и увековечивания этой самой власти. Долгая история выживания государств в малодружественной среде обитания научила их старой премудрости: «не купи двора — купи соседа». Если в этих терминах охарактеризовать внешнеполитический курс стран с необратимой и зрелой демократией, то это называется «принципом добрососедства» как устойчивый политический и моральный стандарт. Поэтому надо иметь особые «таланты», чтобы в условиях готового добрососедства вляпаться в неадекватные отношения с демократическими соседями. Выгоды от такой неадекватности для власти и рядовых граждан, находящихся, как уже говорилось, в недалёковидной приятности «взаимной лояльности», — выгоды эти мизерны и недолговечны, а значит ориентация

на такой «профит» безответственна. Умничание же на тему, что «мир несовершенен», «погрянув в борьбе национальных интересов», что спасение только в «автаркии», «самоизоляции», «этическом релятивизме», «ретро-милитаризме» и т. д., — всё это удел именно недемократических режимов.

Можно было бы, следуя старой формуле, сказать, что СОЗНАНИЕ социума, зараженное этим «умничанием», представляет собой «дорогу в никуда», если бы социологическая интуиция не подсказывала, что в необратимой глобальности нашей современности трудно спастись от того, что сегодня называется «неотвратимостью демократии».

«Желающего судьба ведёт, нежелающего тащит»

Собственно это два способа стать «современностью»: либо благодаря полному, свободному, самокритичному, без отсылок на «обстоятельства» ОСОЗНАНИЮ понять, что стране с низким уровнем экономического потенциала ничего, кроме собственных «благотупостей» не угрожает, и после этого включиться с полной самоотдачей в модернизацию, либо придти к тому же самому, но слишком дорогой ценой — экономической, социальной и человеческой деградации, — дав соблазнить себя жалкими ИЛЛЮЗИЯМИ одних и политическим СВОЕКОРЫСТИЕМ других, рождая при этом *post factum* хрестоматийное «За державу обидно».

Быть в ладу с реальностью мирового порядка и, самое важное, пользоваться, как говорил Мих. Лифшиц, «благодатью истории», «милостью самой исторической действительности», тем более, современной с её беспрецедентными возможностями международной безопасности и даже гарантиями национального суверенитета, — вот что, без риска ошибиться, можно было бы назвать императивом Современности. Отсутствие такого императива в любом национальном САМОСОЗНАНИИ — это далеко небезопасный дефицит. Россия не исключение. Итак, простой до обескураженности вывод. Ссылаясь на непреодолимые условия международной обстановки, которая якобы загоняет Россию на тот путь, на которой она вступила в эпоху путинских каденций, — это, как говорит молодежь, «не катит»: международная обстановка более, чем благоприятствует.

Собственно и I Мировую Россия могла избежать. И она под руководством премьера Столыпина собственно и избежала. Дело в том, что Первая Мировая война должна была начаться в 1909 году в обстановке боснийского кризиса на Балканах. Столыпин категорически воспротивился вовлечению России в конфликт с Австро-Венгрией и даже уволил своего друга министра иностранных дел Извольского, проще говоря, спас страну от того, от чего не спас её славянофильствующий Николай II в 1914 году (Н. Рутыч. Думская монархия: статьи разных лет. — СПб.: Logos, 1993, с. 61). Собственно и у СССР были хорошие шансы сильно укоротить желание Гитлеру развязать II Мировую войну. Вместо того, чтобы вступить в коалицию с западными демократиями, «отец народов» потрафлял геополитическим аппетитам фюрера и даже дал через Коминтерн немецким коммунистам директиву бороться с германскими социал-демократами, самыми стойкими противниками фашистов. Гитлер, который на выборах в рейхстаг в 1932 году победил с результатом 33%, проиграл союзу социал-демократов и коммунистов, который получил 37% (соответственно 20% и 17%) и который не состоялся по вине «гения всех времен и народов» ... Voil?. — Вуаля!

Методология, на которую опираются приводимые здесь аргументы

Задавшись вопросом, что мешает нашей стране быть в топе модернизированных государств в плане помех и невозможностей, которыми будто бы грозит современная международная ситуация и убедившись, что таких угроз в принципе не наблюдается, естественно, задаться аналогичным любопытством

в отношении внутренней политики под знаком вопроса, а что препятствует РФ отстроить гражданские и государственные институты под стать современным правовым и демократическим нормам?

Однако такому повествовательному плану мешает авторское подозрение, что, начав с места в карьер, пропущенным оказался существенный методологический момент, который давал бы другу-читателю ключ к авторской манере отвечать на поставленные вопросы, а тем более принуждать к согласию с предлагаемыми ответами. Поэтому несколько слов в объяснение авторской «кочки зрения» на заданную глагиваем тему.

Возможно, сегодня не каждому читателю покажется интересным и важным, а, пожалуй, и вообще понятным суждение, высказанное в эпоху философской классики: «Не только мысль должна стремиться к действительности, но и действительность должна стремиться к мысли» (К. Маркс. К критике гегелевской философии права. Введение. К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 1, с. 423). А между тем, суждение поучительное. Судите сами. Мысль чтобы быть адекватной должна стремиться к действительности. В этом её предназначение и природа. А как же иначе? А вот бывает и иначе! Это когда мысль, прости господи, не хочет или не может (не важно) стремиться к действительности. И тогда на помощь может придти сама действительность — во всей своей обнаженной очевидности и истинности. Но печальнее, если не драматичнее, тот случай, когда и эта онтологическая подсказка не помогает. Когда субъект (индивид или социум) «прёт» и «прёт» своим девиантным путем. Во истину хуже всякого слепого, кто не хочет видеть. Хорошо, если этот субъект успеет сесть в последний вагон уходящего поезда — поезда соблазняющей своими возможностями настоящей, подлинной действительности, в нашем случае, Современности. Заинтересованный читатель, этот случай тебе ничего не напоминает? Намёк на родные палестины не навязывается, но и не исключается.

Конечно, хорошо жить, когда всё вокруг тебя складывается в значимые, зрелые, «говорящие» структуры, хорошо, когда у тебя в союзниках всё та же настоящая, подлинная действительность и ты в дружбе с ней. Старик Гегель для самоуверенной и циничной части человечества предложил отличать «действительность» от «реальности». Знаменитый пример Гегеля — «болель» или «дурное государство». Конечно, эти примеры взятые немецким философом из жизненной реальности, но действительной жизнью её не назовешь: «...Когда в философском суждении говорится о неистинном, то это не должно понимать так, что этого неистинного не существует. Дурное государство или большое тело могут всё же существовать; но эти предметы неистинны, ибо их понятие и их реальность не соответствуют друг другу» (<http://www.di-mat.ru/node/153>). Отсюда и его непонятое многими и шокирующее многих «всё действительное разумно», которое надо понимать в том единственном и простом смысле, что «всё, что разумно, то действительно». Гегель как в воду глядел, подозревая, что дилетанты поймут этот афоризм в своей прямолинейной и облегченной манере. Специально как бы для них Гегель при подготовке лекции по «Философии права» (фрагмент не вошел, однако, в печатный текст гегелевского сочинения) запишет в конспекте шикарное разъяснение: «Всё, что действительно, то разумно. Но не всё, что существует, действительно».

Да, разумное не всегда актуализировано, представлено в текущих эпизодах истории, но в наступившей Современности оно накопилося и обозначилось в значимых масштабах. Так и напрашивается рецепт «Доверьтесь и пользуйтесь!» О том, что «реальность» и «действительность» суть две большие разности, люди, похоже, подозревали еще и до наблюдательных одесситов. В этой связи припоминается, что у Шекспира шут из «Двенадцатой ночи» подарил нам запомнившейся парадокс, который с тех пор гуляет по свету по причине его неоспоримой точности: «Всё не так, как на самом деле». Это «подозрительное»

отношение к реальности, безусловно, делает честь человеку, готовому не всё принимать в «реальности» за подлинность. В этом смысле Ницше не был сильно оригинален, когда назвал свою доктрину «искусством подозрения», равно как и в наше время П. Бурдьё, который социологию предпочитал называть «средством бдительности» (П. Бурдьё. Начала, 47). Да и вообще, как выясняется, серьёзная человеческая мысль всегда различала эти два модуса бытия: «реальное» и «подлинное». У Платона бытие не уместается в реальность. Истинное бытие, по Платону, своей «резиденцией» выбирает «идеи», квартирующие «нездесь», на звёздах, а «здесь» можно, если по-человечески, достойно etc. постараться, — можно держаться только в окрестностях «идеального» (от слова «идея»), сопротивляясь, понятно, искушениям, потворствам, «слишком человеческому», и оставаясь бдительным («Бдительность — это всё», Гамлет) — бдительным к реальности. Средние века — те и подавно — образец настороженности к очевидностям (и грехопадениям) повседневной жизни: в Средние века различали «реальное» и «наиреальнейшее»: a realibus ad realiora. Новое время тоже отметилось неслабыми симптоматическими афоризмами: «Наш мир очень даже правдоподобен» (Ницше), «Реальность — лучшая видимость самоё себя» (Бентам). Непревзойденным образцом чуткости ко всему «аутентичному» и «эссенциальному» в социуме в противоположность к ловушкам и миражам «превратной» реальности был Маркс. «Ложным реалиям» постфеодального капитализма никакой другой реальности не противостояло. «Ложные реалии» и не воспринимались как ложные. Они долгое время оставались хорошо «дополнены», легитимизированы, таким же «превратным», «фетишистским», «обыденным» сознанием. Но в этом не вина сознания. Сознание — это «зеркало мира» (speculum mundi). «Не сознание религиозно, а религиозно общество», — скажет по этому поводу Маркс.

Да, — что не бывает — реальность вполне может складываться в «неправильные», «ложные», «девиантные», «религиозные» структуры. Первой же непосредственной и, можно сказать, импульсивной реакцией сознания будет, скорее всего, отражение этих «нелучших» реалий как «нормальных», а, возможно, и «вечных» реалий. Первой реакцией, но, слава богу, не единственной. Смеётся хорошо тот, кто смеётся последним. В арсенале человеческих возможностей есть и то, что было названо «свободным духовным производством». Именно так Маркс и сформулировал дебют человеческой эмансипации.

«Свободное духовное производство»

«Свободное духовное производство», — а другим «духовное производство» и быть по своей природе (дух витает, где хочет) не может. Если же оно «обусловлено обстоятельствами», всегда «ограниченными», «историческими» и т. д., то какое же оно (духовное производство) свободное? А вот, с другой стороны, если оно «обусловлено» Вечным, Настоящим, Существенным, Природой вещей, Классикой, Духом времени (Zeit Geist) и проч. и проч., то это и есть случай «свободного духовного производства», чья «продукция» (Истина, Добро, Красота) — что показательно — принадлежит «всем», а не отдельным «классам», «сословиям», «фракциям». В нашем случае, впрочем, важно подчеркнуть, что когда говорят в том духе, что свобода — это осознанная необходимость, просто хотят сказать, что свобода — это не произвол, не «кувырк-коллегия».

На эвристическую, рецептурную, парадигмальную сущность концепта «свободное духовное производство» настойчиво обращал внимание Мих. Лифшиц. Вторая половина XIX и весь XX век находились в гордом убеждении, что главное в науке о сознании — это объяснить, какими детерминирующими факторами определяется форма, а главное, содержание этого сознания. Так действовал вульгарный, примитивный материализм. В социологии этого периода вся «духовная продукция» рассматривалась как производное от классовых и социальных обстоятельств и «интересов» (истмат). Во фрейдизме, который

тот же Мих. Лифшиц назвал довольно «пошлой» философией человеческого сознания, последнее детерминировано асоциальными, биологическими факторами. Оба направления и близко не попадают в цель.

Можно сказать, говорил М. Лифшиц, что в модели «классовой» и вообще «средовой» детерминации (в наивно понятой формуле «бытие определяет сознание») «сознание [выглядит] слепо, невменяемо, лишено отношения к истине, субъективно» (в смысле общественной, коллективной субъективности) и даже иррационально — поскольку его активность возбуждалась только классовыми «нутром», а не отражением внешнего мира. Главным признаком всякого сознания молчаливо признана его ограниченность, конечность, т. е., зависимость от определенной позиции» (<http://www.rulit.me/books/dialog-s-evaldom-ilenkovym-read-330419-6.html>). «Сознание может быть подавлено «материальными условиями жизни», и тогда получается род «исторического бреда», по выражению Герцена, т. е. «идеология» как превратное, ложное сознание, нечто противоположное понятию сознания, его сознательности» (Там же). «Бытие малое, ограниченное данной ... социальной средой, рождает кривизну нашего сознания, замыкается нами» (Там же). «Сознание нельзя свести к переживанию бытия, стоящего «позади субъекта»» (<https://profilib.net/chtenie/91451/mikhail-lifshits-dialog-s-evaldom-ilenkovym-problema-idealnogo-5.php>). «Сознание, сведенное к определенной сумме условий, всегда конечной, вступает в противоречие со своим собственным понятием [то есть не выполняет своей полноценной миссии — А. Ш.]» (http://www.gutov.ru/lifshitz/texts/dialog_protivor.htm). В этой связи М. Лифшиц считает уместным говорить собственно о двух видах сознания — об «обусловленном», «малом», «фактологическом», «безответственном», «ложном», «с одной стороны, и о «бесконечном», «понимающем», «мыслящем», «не лишенном собственной природы, сознательности», «ответственном», «истинном» — с другой. «Подобно тому, как есть большое и малое бытие, есть, естественно, большое и малое сознание» (М. Лифшиц. Диалог с Ильенковым. — М.: Прогресс-Традиция, 2003, с 172).

Поэтому, возвращаясь к марксовой формуле «свободного духовного производства» в только что рассмотренном смысле, мы можем продвинуться в более существенном понимании свободы сознания. Не просто как свободы от государственной цензуры, от идеологического прессинга, обывательских штампов и часто нерелевантных (невидимых) «средовых» детерминант (узко-классовых, профессиональных, поло-возрастных, религиозных и т. д.). Этот тип свободы сознания, кстати говоря, дается субъекту, скорее, с помощью того механизма, который сродни гуссерлевскому «эпохэ», феноменологической редукции, «вынесению за скобки» и имеет в значительной степени характер субъектно-волевого акта. На порядок выше иная свобода сознания — сознания от «видимости», той самой видимости, которая пуще реальности и которая-то и принимается за реальность, даже не подозревая, что не всякая реальность, как показал (см. выше) еще Гегель, есть действительность. Уже понятно, что речь идет о сознании в формате «идея-понятие», которому открывается именно «онтология вещей», т. е., не просто всякая реальность (в том числе и иллюзорная, симулякрная), но как раз подлинная, истинная природа вещей. Уместно в связи «с онтологией вещей» напомнить — что и делал постоянно М. Лифшиц — о том, что по настоящему философский подход определяет «онтологию» не просто как «учение о бытии», но «учение об истинном бытии», имея в виду, конечно, что в реальности опять же есть и «неистинное», «отключающееся от самого себя бытие».

«Несвободное» сознание

«Несвободное» сознание (оно же: «эгоцентричное», «националистическое», «шовинистическое», «черносотенное», «суеверное»), будучи не способно к обзору a vol d'oiear (с высоты

птичьего полёта), обречено всё подгонять под свою узость, мерить на свой аршин. С этим как-то приходится мириться, потому что это — род неизбежности. Но с какого-то (исторического) момента в этой неизбежности нет никакой необходимости. Это происходит тогда, когда сама реальность (противостоящая «несвободному» сознанию), щедро сияет и говорит о себе со всей полнотой и самоочевидностью. История экономической, социальной, политической жизни общества подтверждает это на каждом шагу и со всей убедительностью. Рыночная экономика методом «проб и ошибок» становится «современной» и самовоспроизводящейся структурой. Социальное государство через ряд «итераций» становится «современным» и отвечающим своему понятию. Политическая демократия становится «современной» формой гражданского общества, которую берут на вооружение все страны, вступающие в процесс полноценной модернизации.

На фоне такой убедительности и самоочевидности преимуществ Современности узость и своекорыстие «несвободного сознания» выглядит откровенным атавизмом и карикатурой на человеческое сознание, чья природа состоит не в демонстрации своей узости и своекорыстия, а в отражении реальности, в понимании её здоровых и лучших сторон и тенденций. И уж совсем не годится, когда опять же сама действительность, которая, по мысли, классика «должна стремиться к мысли» и действительно стремится и предстает перед «узким» и «несвободным» сознанием, застрявшим в своих «исторических» формах, — предстает во всей своей «зрелости» и «прозрачности» (как сказал бы Маркс), во всей своей «рациональности» и «расколдованности» (как сказал бы Вебер). Велосипед изобретен. — Пользуйтесь и не надо изнуряющей отсебятины.

Современность как «*optimus mundus*»

Конечно, у современников много претензий к Современности как «*optimus mundus*». Среди этих претензий есть и серьёзные. Одну из них лаконично и критически сформулировали Л. Болтански и Э. Кьяпелло, работающие в исследовательской парадигме П. Бурдьё: «Капитализм процветает, а общество деградирует» (Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. — М.: Новое литературное обозрение, 2011). Означает сие, что сегодняшний «турбо-капитализм» (E. Luttwak. *Turbo capitalism. Winners and Losers in the Global Economy* — Weidenfeld & Nicolson, London, 1998 / HarperCollins, New York, 2000), пользуясь рыхлостью гражданского общества и собственным нарабатанным финансово-экономическим потенциалом, вырвался на свободу и процветает за счет торможения социальной политики государства и сферы прав человека. В том же критическом духе о «сверхбогатстве» капиталистической элиты и её «самогерметизации» от остального общества пишет известный американский экономист П. Кругман в работе «Либеральное кредо» (2009). Эта реальность капитализма Современности рождает критическую и практическую мысль внутри этой Современности как антидот её порочным издержкам. Общество (включая и его цивилизационно-культурные стандарты) не хочет, чтобы на нём «экономили», возвращая его в удобное для «турбо-капитализма» состояние. Тему «прекариата» как синонима нестабильности и неустойчивости начал ещё П. Бурдьё, выступивший с критикой текущей ситуации, где «ничего не гарантировано». Сегодня в этом плане заметно выделяется позиция Г. Стендинга с его спорной, но важной и возникшей не от хорошей жизни идеей безусловного основного дохода, то есть гарантированного государством денежного довольствия каждому гражданину (<http://rusplt.ru/policy/prekariat.html>). Когда другой авторитетный социолог Э. Гидденс пишет о «сокрушительной силе современности» («Последствия современности», 2004), то он говорит о том же: «принуждение к Современности» — это своеобразный категорический императив, если угодно, дорожная карта текущей цивилизации, но цивилизации не любой ценой. Люди, по его мнению, могут контролировать из-

менения, происходящие с современным обществом. Это, кстати говоря, вполне укладывается со старой и трезвой мыслью классиков социологии о том, что за всякий «современный» прогресс приходится платить нехудшим человеческим капиталом. Известный фрагмент из «Коммунистического манифеста» в виду его хрестоматийности мог бы быть здесь вполне уместен: «В ледяной воде эгоистического расчета потопила она [современная] Марксу и Энгельсу реальность] священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности». Современность наших дней как бы свидетельствует, что «жертвоприношения» человеческого капитала на этапах восхождения к Современности с большой буквы компенсируются её достоинствами, доступными для большего числа людей, чем раньше. Это и заметно высокий уровень жизни, труда и отдыха и, как считает П. Бурдьё, возросшее значение таких требований со стороны простых граждан, как «жажда достоинства» и «желание признания». При этом урок Современности времен зрелой демократии состоит в том, что за эти качества бороться легче в сравнении с эпохой «империализма и колониализма». Упомянутый Г. Стендинг говорит не об анархической и революционной борьбе как противоядии против «турбо-капитализма». Он, как и многие видные социологи (У. Бек, Р. Рорти и др.), говорит о том, что субъекты сопротивления должны вооружаться принципами, на которых только и может держаться, так сказать, «цивилизованный глобализм», принципами «солидаризма» и «универсализма».

Одним словом, как бы ни выглядели «теневые» стороны Современности, это не повод относиться к ней с анархической разрушительностью или мнительным и подозрительным своекорыстием. «Теневые» стороны Современности вызывают к критическому мысли, и лучшим ответом на этот вызов был бы взлет «критической социологии» (запаздывание и растерянность которой авторы «Нового духа капитализма» назвали «самым обескураживающим фактом»). И вот почему «Новый дух капитализма», по мнению Л. Болтански и Э. Кьяпелло, поощряет и культивирует социологическую критику как самую существенную «услугу» беспрецедентной Современности.

Для многих стран Современность остаётся всё ещё их Будущим. И здесь — как всегда в жизни — все карты пугает предстория или, как сейчас говорят, *back-ground*. Одни страны и народы смотрят на будущее с опаской, другие — с предвкушением. Легко догадаться, что настойчивое любопытство ведет нас к первому казусу, когда на Будущее, сиречь, Современность смотрят «с опаской».

Слегка забегая вперед и чтобы не потерять читателя, а главное не выглядеть в его глазах автором, утонувшим в упрощениях и облегчениях своего исследовательского энтузиазма, наметчу ремаркой начало неизбежной темы, которую придется развернуть чуть ниже.

Le vin est tire — il faut le boire

Вино откупорено, надо пить! (Но не напиваться). Рефреном присутствующий здесь рецепт «Доверьтесь Современности и пользуйтесь Ею» как-то непроизвольно рифмуется с нестареющим девизом Вольтера, который в эпоху Просвещения разглядел на свой несколько натуралистический лад (культ Природы, как-никак) все то же различие между повседневной реальностью и «природой вещей». Лозунг Вольтера гласит: «Пользуйтесь [природой вещей], но не злоупотребляйте!». И что? Приглядываясь к ментальному ландшафту Современности, которая по причине «постмодернистской (контр)революции» переименована в *Postmodern*, «Пост-Современность», можно сказать, что ситуация первых десятилетий XXI столетия, если не скандальная, то достаточно неровная и драматичная. Те, кто воспользовались Современностью, ею же в чем-то и злоупотребили. И, наоборот, тот кто, не воспользовавшись Современностью, тот, естественно, и не злоупотребил. Хрен редьки, конечно, не слаще. Но разница есть. Злоупотребление Современностью может

быть, в принципе, исправлено силами самой Современности. А вот неупотребленная Современность — это ровно как не быть в Современности. Небольшое достижение. Не больше, чем бес- смертие неродившегося человека.

Вернемся, однако, к прерванному рассказу — прерванному и навязанному читателю авторскими заботами о методологии приводимых здесь аргументов.

Фатальна ли примордиальность России?

От благоприятной текущей международной обстановки (ясное дело, в сравнении с международной обстановкой, приведшей в Европе к двум мировым войнам — «Если завтра война!» и проч.) разворачиваемся к «нашим палестинам», поговорим о том, как Современность опрокинулась в пространство «родных осин». Иначе говоря, неизбежно встает вопрос, как обстоят дела с экономической и политической модернизацией в РФ. Проблема, вроде бы, абсолютно не нова, и обсуждена в объективных и критических терминах вдоль и поперёк. Более актуальным и добровольно запутанным является, скорее, вопрос о «ментальной» составляющей российской модернизации, а точнее, психологическом сопротивлении к универсальным и всеобщим определениям демократии, государства, гражданского общества, культуры. Именно на этих маршрутах страну постоянно поджидала и продолжает поджидать ловушка, именуемая в современной социологии, причем с негативной коннотацией, как «**примордиальность**», а во властном политическом дискурсе России — как «культурный код» русского народа и, скорее, в положительном значении.

Понятно, что речь идёт примерно о том, о чём говорил С. Щедрин, не стесняясь и критически называя основную массу простого населения «подначальными людьми». При этом, понятно, что там, где есть «подначальные люди» есть и те, кто этажом выше — «начальники». Можно сразу сказать, что эта «категоризация» не слабее «классовой» классификации, поскольку затрагивает слишком глубокие и долгоиграющие основы психологии и поведения человека, которые присутствуют и в том числе и «классовых», «сословных» и др. социальных статусах.

Теперь вопрос формулируется как бы сам собой: что сильнее — «неукротимость примордиального» (Н. Смелзер) или «сокрушительная сила современности» (Э. Гидденс)? В общем виде ответ очевиден и поэтому, он, скорее, риторичен: «новое» и «прогрессивное», конечно, побеждает «отжившее» и «ретроградное». На деле же всё выглядит не так просто. Очевидно, Примордиальность так или иначе тормозит рецепцию Современности. При определенных условиях Примордиальность как ностальгия может и вообще стать альтернативой Современности как идиосинкразии («Как хорошо мы плохо жили!»). Примордиальность как шовинизм и квази-патриотизм легко возвращает массовое сознание, особенно приотягающих обстоятельствах жизни и низком уровне культуры и образования (кричалки российских футбольных фанатов: «Россия, вперед! Нас не е...т!»).

В лучшие годы российского САМОСОЗНАНИЯ примордиальность, или пресловутый «культурный код» России был предметом не только и не столько экзальтации, сколько трезвой и критической оценки. Когда по консервативному умный Алексей Суворин, издатель знаменитой газеты «Новое время» обвинил С.— Щедрина за его «Историю одного города» в «глумлении над народом», русский писатель вразумительно ответил: «Я положительно утверждаю, что оно [сочувствие] неверно и что искусство точно также как и наука, оценивает жизненные явления единственно по их внутренней стоимости, без всякого участия великодушия или сострадания» (С.—Щедрин. Собр. соч. в 20 тт. М.: Художественная литература, 1965-1977, т.18, кн. 2, с. 86). Далее С.— Щедрин поясняет свою мысль, в том духе, что «начальники» — это тоже не «свободные люди» и не «хозяйева жизни». Все искажены «традицией», «примордиальностью», «историей» — «Все тут обременены историей: и начальники и

подначальные люди». Но самое главное в ответе С.— Щедрина А. Суворину — понимание, что российская примордиальность, хоть это всерьёз и надолго, но не фатальна. Самой главной категорией остается «народ», который как реальный феномен потенциально всегда, а актуально иногда не исчерпывается дихотомией «начальники — «подначальные люди». Нация и в лице начальников (дворяне-декабристы, «реформаторы на троне») могут в своем самосознании преодолевать магнетическую силу отечественной примордиальности. О собственно народе С.— Щедрин пишет в письме А. Н. Пыпину 2 апреля 1871 г.: «...в слове «народ» надо отличать два понятия: народ исторический и народ, представляющий собой идею демократизма. Первому, выносящему на своих плечах Бородавковых, Бурцевых и т. п., я действительно сочувствовать не могу. Второму я сочувствовал, и все мои сочинения полны этим сочувствием» (<http://www.studbirga.info/narod-v-knige-istoriya-odnogo-goroda/>).

Русская социальная мысль XIX столетия всё время вертится вокруг такого явления, как «патриотизм», тревожно вглядываясь в его искаженную под бременем примордиальности физиономию. В журнале «Телескоп» Петр Чаадаев пишет в одном из «Философических писем» (1836) о «блаженном патриотизме», о «патриотизме лени». Журнал был «закрыт, издатель Надеждин сослан, Чаадаев — объявлен сумасшедшим, а возбужденные «примордиальностью» студенты Московского университета побежали на перегонки вызывать крамольного автора на дуэль. Хорошо известно и демократическое неприятие самодержавного «патриотизма» А. Герценом: «Дворянство, литераторы, ученые и даже ученики повально заражены: в их соки и трки всосался патриотический сифилис» («Колокол», 1864). «Националистический код» отечественного менталитета всё время оставался объектом пристальной рефлексии со стороны видных русских мыслителей. «Национальное самосознание, — писал Вл. Соловьев (1853 — 1900), — есть великое дело, но когда самосознание народа переходит в самодовольство, а самодовольство доходит до самообожания, тогда естественный конец для него — национальное самоуничтожение: басня о Нарциссе поучительна не для отдельных только лиц, но и для целых народов» (Вл. Соловьев. Национальный вопрос в России . — <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv31.htm>).

В той же мысли держался и С. Франк (1877 — 1950): «Русский национализм отличается от европейских национализмов европейских народов именно тем, что проникнут фальшивой религиозной восторженностью и именно этим особенно гибелен. «Славянофильство» есть в этом смысле органическое и, по-видимому, неизлечимое нравственное заболевание русского духа (особенно усилившееся в эмиграции). Характерно, что Вл. Соловьев в своей борьбе с этой национальной самовлюбленностью не имел ни одного последователя. Все, на кого он имел в других отношениях влияние — и Булгаков, и Бердяев, и Блок — свернули на удобную дорожку национальной самовлюбленности. Бердяева это прямо погубило» (С. Франк. Письмо Г. Федотову, 1949. — <http://www.newreviewinc.com/?p=819>).

Русская демократия застряла на своем торном пути в Современность. Такое бывает в истории. В конце концов, куда не денемся. Положение обязывает. Современное тем более. Между тем в русской истории было по-разному. Даже после подавления новгородской и псковской демократий, были свободные русские люди в Литовском княжестве, был Русский север, не знавший крепостного права. Расширение Московского княжества увеличивало границы нового государства, но искореняло древние вольности и свободы. «Государство пухло, народ хирел» (В. Ключевский). Такой «раскорякой» Россия вступала в Новое время. Но и на этом пути страна не оставляла усилий встать на нормальный, «европейский» путь существования. Примеров вроде бы достаточно.

Экономическая и политическая модернизация предполага-

ет субъекта с полноценным пониманием гражданских прав и свобод. Это понимал, например, тот же П. Столыпин, который, принимая во внимание, например, «политическую» отсталость русского населения Западного Края (Западная Украина, Польша), чтобы уравновесить и не допустить доминирования более продвинутого в гражданском отношении польского элемента вынужден был вносить на выборах соответствующие квоты и изменения. С этой же гражданской и освободительной миссией премьер начал демонтаж «крестьянского мира» (сельской общины). В этом отношении он был большим реалистом, чем Маркс, который дал Вере Засулич уговорить себя на тот предмет, что де община не мешает России перейти к самому свободному обществу, каким является якобы социализм. Безусловно, эпохальную веху на пути к правовой демократии составили либеральные реформы 1860-х. Особенно реформа суда и местного самоуправления. Неплохо отзывались дореволюционные исследователи и о русской «бытовой демократии» (Н. Лосский. «Характер русского народа», 1957), и об искусстве находить компромиссы с помощью народных традиций (В. Сергеевич «Русские юридические древности», 1893 — 1902). Чисто формально многие «демократические» стандарты ввела и советская власть (См. сталинско-бухаринскую Конституцию 1936 года).

Но в итоге имеем то, что имеем. По данным на 2012 год по уровню демократии РФ в списке из 167 стран занимает 122 место в соседстве с Эфиопией и Иорданией. Где искать причины слишком затянувшегося процесса демократической модернизации? И продолжение вопроса в духе И. Канта: на что можно надеяться? Дотошные социологи-экономисты говорят, что демократия может начинаться, когда страна достигает уровня дохода на душу населения в районе 6000 долларов в год, а с 10 000 долларов демократия в стране становится «бессмертной», необратимой (<http://www.newsru.com/russia/23jun2011/vvp.html>). В 2017 году в России средний подушевой доход составил 8664.06 долларов. Но прямой и жесткой зависимости между уровнем дохода и качеством демократии нет в том смысле, что некоторые авторитарные режимы становятся даже особенно живучими, когда показатель ВВП достигает 19 тысяч долларов на душу населения. Такое можно наблюдать в странах, которые являются экспортёрами энергоресурсов — например, в государствах Персидского залива (<http://www.newsru.com/russia/23jun2011/vvp.html>).

Для демократии нужна воля к демократии, нужно «видение» демократии, нужно не «малое» и «историческими» обстоятельствами скованное, а, напротив, «большое» и «свободное» сознание. Бороться же с Современностью с помощью «поиска врагов», как это делают стратеги «последнего клапана» — всё это, как сказал бы А. Шопенгауэр, так же бесполезно, как тушить пожар ... клистирной трубкой. Говорят, что история учит, что она ничему не учит. Таких пошлостей в удобном словаре вчерашних политиков можно найти уйму. История не учит только тех, кто не хочет учиться. Самый поучительный пример даже не Россия, а Германия. Та самая Германия, которая практи-

чески до 1945 года не была демократией (если не считать короткий и не сильно удачный этюд «Веймарской республики», 1919 — 1933). Политический консерватизм, имперская государственность и откровенный милитаризм были визитной карточкой Германии-Пруссии. То, что сделала страна с собой после 1945 года не имеет аналогов в послевоенной истории Европы и мира. Страна устыдилась (не дожидаясь пресловутых 8 000 долларов per capita) собственной «примордиальности» и нашла опору в Современности: провела беспрецедентную экономическую, политическую, судебную, образовательную реформы, чтобы стать и оставаться локомотивом европейского континента.

Еще раз «для исполинов невежества и глупости»

Демократическая Современность несовместима с шовинистической автаркией и националистической самоизоляцией, куда пытаются спрятаться от истории отдельные страны. Когда «малое сознание» берет верх над «большим», то это значит, что такое бегство имеет на какое-то время успех. Но в дело, так или иначе, вступает сама реальность, именуемая сегодня Современностью. Вспомним: «сама действительность должна стремиться к мысли». И эта Современность лишает смысла все субъективные и ложные потуги, интенции, драматические самообманывания, самообманывающие идентификации, она даже отбирает волю у последних диктаторов и антагонистов демократии, — возможно, к их собственному вящему удовольствию и безопасности их самих. Демократия, как и высшая инстанция в этом подлунном мире, строга, но милостива и к тем «спасителям отечества», чье властное своекорыстие и политический эгоизм только на поверхностный взгляд кажутся необходимыми и достаточным объяснением их упорного сопротивления демократии. Главной причиной остаётся, конечно, *невежество*. «Глупость и невежество тоже могут быть исполинами». Демократия прощает грех неведения и этим исполинам, которые «не ведают, что творят». Самоочевидное преимущество демократической Современности (человеческое достоинство, экономическое процветание и политика как честная и занимательная игра для всех граждан) делает её (Современность) открытой «книгой бытия», чистой и самоочевидной «социологией» — смотри и пользуйся! Пользуйся, но не злоупотребляй, как это случилось с «постмодернистским» миром, зашедшим слишком далеко и в гендерном самопотакании однополым бракам и семьям, в бессмысленном супер-консюмеризме и в обжорстве интертейнментом.

Так уж легли карты: 45% территории РФ находится за полярным кругом. Русское *идеалистическое* сознание отогревало родину Любовью, Душевностью, Непосредственностью и что там еще? «Морозная Россия, а тепло». (Иван Шмелев. «Лето Господне»). Сегодня на дворе стоит полноценная Современность. Это значит, что у страны есть не менее *надежные средства* и исторические шансы обогреть морозную Россию. Это значит, что дезидерата политического календаря России — демократическая оттепель.